

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.85 + 255

DOI 10.23951/1609-624X-2018-5-69-73

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФОЛОГЕМЫ ГЕРОЯ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРАГЕДИЙ «ЭДИП-ЦАРЬ» И «ВАКХАНКИ»)

О. А. Райкова

Томский государственный педагогический университет, Томск

Изучение трансформации мифологемы героя представляется актуальным, поскольку, возникнув в пространстве мифа, она продолжает существовать в культуре на протяжении всей истории человечества, включая современность. При этом образ героя претерпевает изменения, обусловленные особенностями конкретной исторической эпохи в иных, отличных от мифа формах культуры. Подобная трансформация происходит с мифологемой героя в древнегреческой трагедии эпохи классики. При переходе от мифа к трагедии мифологема героя претерпевает существенные изменения: герой трагедии воспринимает судьбу как внешнюю силу, которая влияет на его жизнь и всеми силами пытается изменить ее. Он также отказывается принимать как данность волю богов и пытается заставить их руководствоваться в своих действиях категориями морали и нравственности, принятыми в человеческом обществе. Проблема трансформации мифологемы героя в древнегреческой трагедии, рассматриваемая в данном исследовании, позволит лучше понять изменения, происходящие в древнегреческой культуре эпохи классики. Выводы могут быть использованы при подготовке курсов, посвященных истории и культуре Древней Греции.

Ключевые слова: Древняя Греция, древнегреческая трагедия, мифологема, герой.

На протяжении всей истории человечества культура воспекает подвиги и сохраняет имена героев, которые даже спустя тысячелетия не предаются забвению и продолжают влиять на умы людей. Каждое время рождает своих героев, однако все эти образы имеют одну первооснову – героические мифы, в пространстве которых сформировалась мифологема [1] героя – того, кто очищает мир от чудовищ, добывает для соплеменников культурные блага благодаря тому, что оказывается способен на неординарные поступки. Культура современного общества не становится исключением: мифологема героя активно используется в литературе, кинематографе, комиксах, компьютерных играх.

Следует отметить, что при переходе от мифа к иным формам культуры образ героя не остается застывшим, статичным – он претерпевает изменения, возникающие в ответ на вызов конкретной исторической эпохи. Поэтому особый интерес представляет исследование подобных трансформаций, позволяющих понять особенности перемен, происходящих в образе героя, и осмыслить ситуацию, сложившуюся по отношению к этой мифологеме в современной культуре.

В качестве подходящего материала для изучения трансформации мифологемы героя выступает древнегреческая трагедия, которая, с одной сторо-

ны, базируется на мифе и активно использует его образно-сюжетные комплексы, а с другой стороны, переосмысливает их в соответствии с потребностями эпохи своего расцвета – эпохи классики [2, с. 99].

Древнегреческая трагедия и образ трагического героя вызывали интерес исследователей, обращавшихся к изучению религии и культуры Древней Греции. Так, к этим темам обращались в своих работах А. Боннар [3], Л. Винничук [4], К. Хюбнер [5]. Однако вопрос трансформации мифологемы героя в рамках древнегреческой трагедии остается малоизученным.

По мнению большинства исследователей древнегреческой трагедии, предпосылки ее возникновения следует искать в эпоху архаики, в культе умирающего и воскресающего бога виноделия и виноградной лозы, а также плодородия, пришедшего с Востока (возможно, из Фракии), – Диониса [3, с. 209; 6, с. 13].

В Древней Греции существовало несколько праздников, посвященных Дионису, и все они были связаны с природными и сельскохозяйственными циклами – Малые (сельские) Дионисии, Ленеи, Антестерии, Осхофории, Великие (городские) Дионисии [4, с. 359–360]. Возникновение древнегреческой трагедии ученые связывают именно с

Великими Дионисиями – праздником, на котором исполнялись многолюдными хорами особые гимны в честь Диониса – дифирамбы [4, с. 360], и относят время ее возникновения к середине VI в. до н. э. [3, с. 209]. Дифирамбы повествовали о жизни бога Диониса: его странствиях, страданиях, смерти и воскрешении, выполняя в первую очередь обрядовую функцию. Впоследствии пение дифирамбов преобразуется в действие, которое превращается в состязание и становится одним из главных элементов Великих Дионисий. По мнению Л. Винничук, трагедия «... вышла <...> из хоровой песни, исполнявшейся на оркестре в праздничные дни Великих, или городских, Дионисий. Со временем к хоровому пению, сопровождавшемуся танцами, прибавились диалоги» [4, с. 362]. Первоначально с хором беседовал один актер, но позднее Эсхил добавил второго, а Софокл – третьего актера [4, с. 362].

Специфической особенностью древнегреческих театральных представлений были маски, которые надевали актеры, первоначально призванные указывать на связь драматического действия с обрядами в честь божества [4, с. 370]. Маски позволяли зрителю узнавать героев драматических произведений, а также предполагать дальнейшую роль того или иного героя в повествовании, поскольку каждая маска не только позволяла понять, к какому полу принадлежит герой и какого он возраста, но и выражала (пусть и статично) эмоции персонажа.

Особую роль в трагедии играл хор, который позволял героям как бы вести диалог со зрителями, поскольку был «безличным», выступал как часть огромного людского сообщества, наблюдающего за действиями героя. Благодаря хору весь социум как бы выходил на сцену, и у зрителя как части этого сообщества создавалось ощущение сопричастности разыгрываемой перед ним драме.

Поскольку древнегреческая трагедия окончательно не утратила качеств ритуального действия, разыгрываемого во время Великих Дионисий, драматурги часто выбирали в качестве основы для своих произведений мифологические повествования. Общеизвестность мифологических сюжетов побуждала зрителей к посещению театральных представлений, позволяя авторам на время завладеть умами и сердцами аудитории и пройти вместе с ней путь героя, незримо присутствуя в его жизни, сочувствуя и сопереживая ему.

Однако, несмотря на то что древнегреческая трагедия базировалась на мифологических сюжетах и, как следствие, имела много общего с мифом, смысловой склад трагедии существенно отличался от логики мифа. Человек классической эпохи в силу развития самосознания уже не был настолько привязан к непосредственным природным реалиям, его мир наряду с природой включал и мир че-

ловеческой деятельности, мир культуры, мир-космос, в котором люди играли все более весомую роль.

В связи с происходящими в сознании человека эпохи классики изменениями, особое место в трагедии занимала мифологема героя, которая претерпела существенную трансформацию по сравнению с предыдущим периодом архаики, когда она пребывала в пространстве мифа.

Для того чтобы проследить трансформацию мифологемы героя в древнегреческой трагедии, следует сравнить героя трагедии с героем мифа на основании двух критериев, которые позволят выявить произошедшие изменения: восприятия героем собственной судьбы и отношения героя к богам.

Обращаясь к специфике отношения героя архаического мифа к своей судьбе, можно отметить, что он не борется с судьбой, которая является частью его самого, поскольку качества, заложенные в героя, определяют весь его путь и конечную цель: «...свойства живого существа в этом мире имеют не меньшее значение, чем физические законы для мира науки, и кажущаяся случайность дорожных встреч и событий объясняется именно этими особыми свойствами» [7, с. 100]. То есть герой мифа не разделяет себя и свою судьбу, которая незримо присутствует в нем, а вся его жизнь направлена на осуществление своего предназначения.

Герой трагедии на первый взгляд во многом похож на героя мифа – обычно это сильная личность, часто царь, подобный вождям древности, которые выступали в качестве посредников между сакральным и профанным мирами, обеспечивая благополучие своему народу, а в случае ненадлежащего исполнения своих обязанностей – обрекая его на бедствия [8, с. 89]. Таким предстает перед зрителями Эдип – герой трагедии Софокла «Эдип-царь» [9]: когда на город Фивы, где он правит, обрушиваются бедствия, причина которых неизвестна, люди в первую очередь обращаются за помощью к своему царю, как когда-то поступали члены племени, обращаясь к вождю:

О наилучший из мужей, Эдип,
К тебе с мольбой мы ныне прибегаем: <...>
Восстанови свой город, – да стоит он
Неколебим! По знаменью благому

Ты раньше дал нам счастье – дай и ныне!
[9, с. 153].

Однако по ходу трагедии становится ясно, что во всех бедствиях народа Фив виновен именно царь, действия которого нарушили установленный миропорядок. Становится известно, что ранее Эдип, считая себя «сыном Судьбы», дарующей благо смертным [9, с. 203], решает отвратить Рок, нависший над ним, но, сам того не ведая, претворяет в жизнь ужасное предсказание, от которого

бежал: убивает собственного отца, женится на матери и становится царем.

Постепенно Эдип понимает, что его жизнью управляет «сила, выше человека» [9, с. 188], которая дарует смертным счастье или горе, поэтому велит своим потомкам жить в согласии с судьбой, и пусть она идет своим путем [9, с. 219, 221]. Однако Эдип не может принять такую ужасную участь и сам наказывает себя, ослепляя, посредством чего демонстрирует людям и судьбе, которая в трагедии уже выступает как отдельная действующая сила, что способен ответить за совершенные, пусть и по незнанию, поступки.

Таким образом, хотя миф и выступает в качестве сюжетной основы трагедии, однако поведение героев становится иным. Герой трагедии – человек мыслящий, который посредством своего сознательного выбора пытается изменить судьбу, желая распоряжаться собственной жизнью. В трагедии виден итог трансформации судьбы из «внутреннего» качества человека во внешнюю силу, которую трагический герой активно пытается преодолеть.

Говоря о специфике отношения героя мифа к богам, следует отметить, что в рамках мифологического повествования наличие божеств объясняется естественной необходимостью, поскольку каждое из них олицетворяет часть космоса, и поэтому должно существовать. Нарушение деятельности того или иного божества может иметь катастрофические последствия, так что людям не остается ничего другого, как принимать их такими, какие они есть: часто немилостивыми, наделенными различными пороками, чтобы сохранить порядок во Вселенной.

Однако греков эпохи классики уже не устраивали буйные и жестокие боги, доставшиеся им в наследство от более ранних времен, поэтому они пытались призвать к порядку собственных богов и желали, чтобы боги взаимодействовали с людьми на основании норм морали. Более того, люди сами начинают выбирать тех, кто имеет право называть себя богом, то есть теперь божественность надо доказывать.

Примером такого отношения к божеству служит царь Пенфей, герой трагедии Еврипида «Вакханки» [10]. Он не признает Диониса богом, поскольку тот является наполовину смертным и почитается варварами:

И бога Диониса – что за бог,

Не знаю <...>

Да, говорят, какой-то чародей

Пожаловал из Лидии к нам в Фивы <...>

Он смеет богом Вакха называть [10, с. 437]!

Также трагедия демонстрирует изменение восприятия факта родства с богами: если ранее, в пе-

риод архаики, родство с богом воспринималось почти как богоравность и вызывало уважение, то теперь люди ценят собственно человеческое родство, помнят своих предков-людей и гордятся ими, поскольку родством они привязаны к новой, человеческой реальности, которая становится для них более значимой. Поэтому Пенфей, когда Дионис указывает ему, что тот позабыл, кто он, отвечает: «Пенфей, Агавы сын от Эхиона» [10, с. 449–450].

Пенфей олицетворяет собой человека эпохи классики, ищущего истину, не готового принимать на веру аксиомы, оставшиеся от предков; он требует доказательств божественности существа, которое именуется богом; но его не устраивает простая демонстрация силы, сеющей вокруг хаос и разрушающей существующий порядок вещей, этих доказательств недостаточно. Герой ожидает от бога поведения, соответствующего нормам нравственности и морали современного ему общества; именно поэтому он так разозлен, когда узнает, что женщины, удел которых – находиться дома, вдруг покидают город и, словно безумные, бегут в леса к неизвестным наслаждениям, обещаемым Дионисом.

Несогласие с волей бога – Диониса, который считает, что может безнаказанно менять порядок жизни людей, привлекая их к своим таинствам, приводит Пенфея к смерти: царь погибает от рук собственной матери, охваченной вакхическим безумием. Однако Агава, только что лишившаяся сына, как бы продолжая дело Пенфея, просит у бога милости, а когда тот отказывает ей, указывает Дионису, что он ведет себя скорее как мстительный смертный, чем как настоящий бог [10, с. 489].

Таким образом, герой трагедии больше не воспринимает богов как некую данность и хочет видеть их справедливыми владыками, действующими сообразно нормам морали, а если боги ведут себя ненадлежащим образом, активно им противостоит, сомневаясь в их божественности и требуя уважения мнения человека.

Подводя итоги, следует отметить, что мифологема героя претерпевает существенные изменения при переходе от мифа к трагедии: герой трагедии воспринимает судьбу как внешнюю силу, которая влияет на его жизнь. Он не смиряется перед роком, а всеми силами пытается изменить судьбу, и даже понимая, что это невозможно, принимает самостоятельные решения, демонстрирующие, что он не склоняется перед обстоятельствами и способен совершать героические поступки. Также герой трагедии отказывается принимать как данность волю богов и пытается заставить их руководствоваться в своих действиях категориями морали и нравственности, принятыми в человеческом обществе.

Проблема трансформации мифологемы героя в древнегреческой трагедии, рассматриваемая в

данном исследовании, позволит лучше понять изменения, происходящие в древнегреческой культуре эпохи классики, а выводы, полученные автором, могут быть использованы при подготовке курсов, посвященных истории и культуре Древней Греции.

Список литературы

1. Кереньи К. Прологомены // Душа и миф: шесть архетипов. М.: Совершенство; К.: Port-Royal, 1997. С. 11–37.
2. Райкова О. А. Древнегреческий миф классической эпохи: социокультурное обоснование, сферы проявления и аспекты трансформации: дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2012. 129 с.
3. Боннар А. Греческая цивилизация. От Илиады до Парфенона: в 3 т. / пер. с фр. О. В. Волкова; предисл. проф. В. И. Авдиева. М.: Искусство, 1992. Т. I. 269 с.
4. Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / пер. с польск. В. К. Ронина. М.: Высш. школа, 1988. 496 с.
5. Хюбнер К. Истина мифа / пер. с нем. И. Касавина. М.: Республика, 1996. 448 с.
6. Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ / сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. М.: Ренессанс, 1991. С. 95–128.
7. Пашинина Д. П. Неопределимость мифа и особенности организации мифопоэтической картины мира // Вестн. Моск. ун-та. Серия 7. Философия. 2001. № 6. С. 88–106.
8. Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1983. 703 с.
9. Софокл. Эдип-царь // Древнегреческая трагедия. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1993. С. 151–221.
10. Еврипид. Вакханки // Трагедии: в 2 т. / пер. с древнегреч. И. Анненского и С. Шервинского. М.: Худ. литература, 1969. Т. 2. С. 427–492.

Райкова Ольга Анатольевна, кандидат философских наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: didenko.oa@list.ru

Материал поступил в редакцию 19.04.2018.

DOI 10.23951/1609-624X-2018-5-69-73

TRANSFORMATION OF THE HERO MYTHOLOGEME IN ANCIENT GREEK TRAGEDY (BASED ON THE TRAGEDIES "OEDIPUS REX" AND "THE BACCHANTES")

O. A. Raykova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

The study of the transformation of the mythologeme of the Hero seems to be actual, since, having arisen in the space of a myth, it continues to exist in culture throughout the history of mankind, including modernity. At the same time, the image of the Hero undergoes changes due to the peculiarities of a particular historical epoch in other forms of culture different from myth. Such a transformation occurs with the Hero mythologeme in the ancient Greek tragedy of the classical era.

In the transition from myth to tragedy, the Hero mythologeme undergoes significant changes: the hero of tragedy perceives fate as an external force that affects his life. He does not reconcile himself to Fate, and tries to change his destiny with all his might, and even realizing that this is impossible, he makes independent decisions demonstrating that he does not bow before circumstances and is capable of performing heroic deeds. Also, the hero of the tragedy refuses to take for granted the will of the gods and tries to force them to be guided in their actions by categories of morality.

The problem of transformation of the Hero mythologeme in the ancient Greek tragedy, considered in this study, will allow us to better understand the changes taking place in the ancient Greek culture of the classical epoch. The conclusions obtained by the author can be used in preparing courses on the history and culture of ancient Greece.

Key words: *Ancient Greece, Greek tragedy, mythologeme, Hero.*

References

1. Keren'i K. Prolegomeny [Prolegomena]. *Dusha i mif: shest' arkhетipov* [Soul and Myth: Six Archetypes]. Moscow, Sovershenstvo Publ.; Kyiv, Port-Royal Publ., 1997. Pp. 11–37 (in Russian).
2. Raykova O. A. *Drevnegrecheskiy mif klassicheskoy epokhi: sotsiokul'turnoye obosnovaniye, sfery proyavleniya i aspekty transformatsii*. Dis. kand. filoz. nauk [Ancient Greek myth of the classical era: sociocultural justification, spheres of manifestation and aspects of transformation. Diss. cand. philos. sci.]. Tomsk, 2012. 129 p. (in Russian).

3. Bonnar A. *Grecheskaya tsivilizatsiya. Ot Iliady do Parfenona* [Greek civilization. From the Iliad to the Parthenon]: in 3 vol. Translated from French. by O. V. Volkova. Moscow, Iskusstvo Publ., 1992. Vol. I. 269 p. (in Russian).
4. Vinnichuk L. *Lyudi, nrvy i obychai Drevney Gretsii i Rima* [People, manners and customs of ancient Greece and Rome]. Translated from Polish by V. K. Ronina. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1988. 496 p. (in Russian).
5. Khyubner K. *Istina mifa* [The truth of the myth]. Translated from German by I. Kasavina. Moscow, Respublika Publ., 1996. 448 p. (in Russian).
6. Yung K. G. Ob arkhetypakh kollektivnogo bessoznatel'nogo [About the archetypes of the collective unconscious]. *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol. Comp. and entry by A. M. Rutkevich]. Moscow, Renessans Publ., 1991. Pp. 95–128 (in Russian).
7. Pashinina D. P. Neopredelimosť mifa i osobennosti organizatsii mifopoeticheskoy kartiny mira [Undetectable the myth and the details of the mythopoetic picture of the world]. *Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 7. Filosofiya – Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 2001, no. 6, pp. 88–106 (in Russian).
8. Frezer D. D. *Zolotaya vetv': issledovaniye magii i religii* [The Golden Bough: A Study in Magic and Religion]. Moscow, Politizdat Publ., 1983. 703 p. (in Russian).
9. Sofokl. Edip-tsar' [Oedipus Rex]. *Drevnegrecheskaya tragediya* [Ancient Greek tragedy]. Novosibirsk, Novosibirskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1993. Pp. 151–221 (in Russian).
10. Evripid. Vakhanki [The Bacchantes]. *Tragedii: in 2 t. Per. s drevnegrech. I. Annenskogo i S. Shervinskogo* [Tragedies: in 2 volumes. Translation from Ancient Greek by I. Annenskiy i S. Shervinsky]. Moscow, Khud. literatura Publ., 1969. Vol. 2. Pp. 427–492 (in Russian).

Raykova O. A., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: didenko.oa@list.ru